

Автограф на память

Народный артист Николай Крючков

Этого актера знают и любят все кинозрители от мала до велика. Каким только не представлял перед нами Николай Афанасьевич Крючков, ведь на его счету более ста ролей в фильмах «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Член правительства», «Ночь в сентябре», «У самого синего моря», «Комсомольцы», «Парень из нашего города», «Небесный тихоход», «Сорок первый», «Жестокость», «Суд», «Бессмертный гарнизон», «Горожане»... Он один из тех немногих счастливых мастеров, на которых специально «ходили» и «ходят». До сегодняшнего дня Крючков работает энергично, много ездит по стране, любит встречаться с людьми.

— Николай Афанасьевич, Вы прожили большую жизнь, знаете истинную цену счастья, дружбы, успеха. Согласитесь, не каждому выпадает такая судьба — быть пятьдесят лет в строю, создать яркие образы героев нашего времени. Значит, Вы — счастливый человек?

— Да, я — счастливый человек. Сейчас я могу так сказать, потому что судьба выстроена, за плечами большая жизненная школа — радости, утраты, испытание войной и славы. Богатство, почести, карьера — преходящи, только стремление творить добро — вечно. Счастье понимать, что ты, человек, часть природы, наделявшей тебя умом, научившей трудиться. Есть в искусстве такая опасность, да и вообще в жизни, — «числиться», мол, взял одну высоту, другую и заслужил право на комфорт и покой. Такой вариант Крючкову — актеру, гражданину, коммунисту — не подходит. Я родом из краснопресненских рабочих, и уважение к своим истокам живет во мне и движет мной...

— Какой бы путь Вы выбрали, если бы не кинематограф?

— И если бы не Октябрьская революция!.. Работал бы на родной Трехгорке, где трудился родители. Отец таскал на себе кипы товара, озорством природой наделен, любил почудить — народ потешить, да, жаль, рано ушел из жизни. У матери моей, ткачихи, нас осталось восемь. Годы были голодные, тифозные, выжили двое. На похлебке из капусты да на картошках не одни мы росли. В

*Дорогие
Омичи!
Сергей
Вам привет
от старого
Омича — Сергея
Лукомина — Николая
Крючкова.*

четырнадцать лет я поступил в ФЗУ учиться на гравера — накатчика. В царские времена профессия эта считалась не просто цеховой — привилегированной. По моему мнению — очень хорошей...

— Наверное, поэтому Вы так убедительны были в своей первой роли Сеньки — сапожника в «Онраине»...

— Ну, сапожничать я умел. Сижу, подбиваю набойки. Режиссер Борис Барнет кричит: «Сенька!»... «Чего тебе?» — это я ему. Работой увлекся. Вот так попал в кино — в 1931 году. Но не просто с улицы — из любительского молодежного театра...

— Шенспиру принадлежит определение: актер — зернало эпохи. Как Ваши герои отражали духовный строй минувшего пятидесятилетия?

— Мне прежде всего интересен мой современник, простой советский человек — рабочий, колхозник, воин Советской Армии. Любой мой герой может сказать словами поэта: «это было со мною и со страной». Будем считать, что мне повезло. Кинокартина «Трактористы», по сегодняшним меркам наивная, но светлая, веселая, и ее герой Клим Ярмо помогли поверить, что я не занял чужое место, что в кино есть для меня своя дорога. В людях я ценю прежде всего смелость, прямоту, душевную открытость, но главное — требовательность к другим, и в первую очередь к себе. Вот почему мне дороги мои

герои — Андрей Сазонов в картине Сергея Герасимова «Комсомольск», Сафонов в фильме Всеволода Пудовкина «Во имя Родины» по пьесе Константина Симонова «Русские люди», Комиссар в «Сорок первом» Григория Чухрая, Сергей Луконин — «Парень из нашего города»...

— Из нашего города. Николай Афанасьевич, ведь танковое училище он заканчивал в Омске...

— Согласен! Пригодилась ему сибирская закалка, да и мне очень симпатичны сибиряки. Фильм шел на экранах страны всю войну, и на передовые позиции, я знаю, его возили по заявкам бойцов. И в тылу, и на фронте любили смотреть кинокартину «Свинарка и пастух», где я играл Кузьму. В ней была наша мирная радостная жизнь, а ведь работа над фильмом завершилась уже осенью сорок первого. Тревожная пора настала: немец пер к Москве, фашистские стервятники прорывались к столице, сбрасывали «зажигалки», после съемок шел я дежурить на крышу, пока нас, артистов, не эвакуировали в Алма-Ату, где у нас был свой фронт — снимались фильмы «Фронт», «Котовский», комедия об Антоше Рыбкине, «Парень из нашего города»... Мы понимали значение мобилизующей силы искусства, и уходили из павильонов, когда уже падали от усталости и истощения... Что говорить: я здоровый человек, а тоже, знаете, бывало, раз — и с копты долой... Одна награда нам всем за этот общий труд — победа... И женщинам, и подросткам, и старикам...

— И Вашему герою Панченко из фильма «Особое задание», с которым миллионы кинозрителей познакомились в этом году...

— Это для всех, кто был причастен к созданию картины, — вдохновенная работа и высокий гражданский долг. Сколько таких Панченко по всей стране! Фильм снимался в Воронеже и о воронежском заводе, но где бы он ни шел — везде люди говорили, что это все было с ними, это про их военное житье-бытье... Я с радостью работал с Евгением Семеновичем Матвеевым: он знает, зачем пришел в кино, тратит себя, не жалея ни сил, ни таланта, ни сердца. Он из тех, у кого за все болит душа...

— Николай Афанасьевич, Вам повезло работать с такими мастерами кино, как Пудовкин, Пырьев, Довженко, Скуйбин... Какую память они оставили о себе лично у Вас?

— Мастер — это всегда не просто большой, самобытный талант, — личность! Такой звездой первой величины был Сергей Михайлович Эйзенштейн. Эрудиция, высочайший профессионализм, творческая, гражданская смелость — и удивительная простота, редкое обаяние. Он был Великим Мастером, для режиссеров и актеров, общавшихся с ним, — академия. Скромности, достоинству, истинной интеллигентности учил собственным примером. Иван Александрович Пырьев, с которым я много работал, — человек сложный, неистовый, самозабвенный. В пылу работы был горяч, крут, только держись! Встреча с ним помогла мне стать актером, поверить в себя, найти своего героя — молодого, смелого, сильного советского рабочего парня. Я и сам стремился быть таким — и борьбой увлекался, и боксом (снимались без дублеров), петь, плясать любил. Олять же отцовское наследство — характер! Человек я беспокойный, озорной, неунывающий. Только с восхищением всегда вспоминаю и говорю об Александре Петровиче Довженко. Дело ведь не в том, какую роль играешь в фильме такого мастера — главную или эпизод, — его уроки измеряются по особой шкале ценности. Я сам до боли сердечной люблю природу, но как любил ее Довженко — трепетно, возвышенно, потому что был наделен даром Поэта, желавшего, чтобы по его кинокарти-

нам учились люди видеть красоту мира и человеческой души... У таких учителей счастье быть учеником...

— Кинокритики считают, что в Вашей творческой судьбе большое значение имело сотрудничество с режиссером Владимиром Скуйбиным...

— Роли, которые он предложил мне, были неожиданны не столько для меня — я ждал их и был готов к ним! — для зрителя, привыкшего к моим волевым, привлекательным, жизнелюбивым героям, готовым творить добро, совершать подвиги... В «Жестокости» начальник угрозыска — человек самоуверенный, службист, которого равнодушные, презрение к человеку толкают на обман и на преступление. А ведь все в нем не так-то и просто — ведь он воевал за Советскую власть, предан ей, но что-то в механизме его души сместилось... Помню, ноги тогда у меня болели, ходил с трудом, но рядом с мужественным, безнадменно большим Скуйбиным, страстно исповедующим в фильмах «Жестокость», «Чудотворная», «Суд», что это такое — человеческая совесть, все становилось и сильнее, и чище. Он доверил роль Семена Тетерина в фильме «Суд», человека думающего, страдающего, с трагической судьбой... Скуйбин был моложе меня, но нас сближал главный закон кино: картиной надо жить... Если говорить о режиссерах, у кого я хотел бы сейчас сняться в любой роли, — это, прежде всего, Никита Михалков...

— Вы сыграли более ста ролей, но не уходите в запас, а даже, наоборот — активно работаете... Поделитесь Вашими творческими планами...

— Я понимаю: как ни зеленеет могучее дерево, все равно приходит осень. Но, как поется в песне, «любое время года надо благодарно принимать». Старость — не возраст, а состояние души. Я хотел бы еще ролей довести до 1251 Хороших ролей, как, скажем, в фильмах «Горожане», «Когда наступает сентябрь», «Особое задание», «Цыганское счастье»...

— Я понимаю, что для актера все роли, как дети, но неужели нет такой, которая, как любимая песня, всегда с Вами?

— Сережа Луконин... Наверное, потому, что очень хочется на экране воссоздать его дальнейшую судьбу. С Лидией Ивановой Смирновой, игравшей роль Вари, мы сейчас именно об этом думаем, как о деле практическом...

— Ваша профессия — киноартист. Но в фильмах приходилось быть и транжиром, и танкистом...

— И машинистом, и летчиком, и охотником, и шахтером, и слесарем... Я же рабочая косточка, мне нравилась всякая техника, и я ее осваивал, чтобы быть достоверным в любой роли...

— Ваше любимое увлечение?

— Рыбалка. Не ради улова, ради удовольствия посидеть с удочкой на озере, на берегу реки... Знаете, как весной лес пахнет смолой, крикнешь «А-а-а!» — колокольно эхо гудит. Недаром в народе говорят: прозвонил утреннюю зорьку — весь день прозвонил. У меня с молодых лет привычка пораньше вставать. Наедине с природой все проявляется в мыслях, в душе, становясь добрее... И еще — я очень люблю знакомиться с людьми, уж и не знаю почему, но мне в моей долгой жизни везло на хороших людей...

— Когда Вы возвращаетесь домой из поездок по стране, кто первым встречает Вас у родного порога?

— Катя! Внучка. Удивительный человек, уж вы поверьте мне, деду... Опять повезло... Но и внучке повезло иметь такого деда! Здоровья Вам, Николай Афанасьевич. Всегда рады видеть Вас в гостях у омичей, в новых фильмах!

Беседу вел В. ЛУГОВСКАЯ.
Фото М. Фрумгарца.